

НАРРАТИВЫ НЕПРИНАДЛЕЖНОСТИ: СИМВОЛИЧЕСКОЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВЫБОРА ЯЗЫКА РОССИЙСКИМИ УЧАСТНИКАМИ ПРОГРАММЫ «AU PAIR» В ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯХ С РУССКОЯЗЫЧНЫМ СООБЩЕСТВОМ В ГЕРМАНИИ. *Резюме*

Катерина Роде-Абуба

Число носителей русского языка, проживающих в настоящее время в Германии, оценивается в 4,5 миллиона. В соответствии с политическими обозначениями, приписывающими мигрантам различные этничности, тремя самыми большими этническими группами среди них являются: 1) этнические немцы (так называемые переселенцы и поздние переселенцы) и их родственники; 2) евреи из бывшего Советского Союза; 3) этнические русские приезжающие, например, по программе культурных обменов «Au pair»¹. За последние двадцать лет русскоговорящие мигранты в Германии создали заметную этническую инфраструктуру, которая включает в себя культурные и религиозные группы, печатные и интернет-издания, телеканалы, русские магазины, бюро путешествий, рестораны, клубы и дискотеки.

Несмотря на то, что иммиграция этнических немцев в Германию из России и других стран бывшего СССР – хорошо известный феномен, многие россияне, при-

---

¹ В русском языке нет устоявшегося перевода для понятия «au pair», обычно этим термином обозначаются молодые люди (чаще женщины), приезжающие в другую страну по программе культурного обмена, живущие в семьях и помогающие по хозяйству и уходу за детьми); в русскоязычных сообществах в Германии для обозначения таких людей используют кальку «опейры». Я оставляю это понятие без перевода [*прим. переводчика*].

езжающие в Германию по программе «Au pair», бывают немало удивлены тем, как много носителей русского языка проживает в немецких городах. Большинство au pair, участвовавших в данном исследовании, выучили немецкий до приезда в Германию, в школе и/или в университете, и, соответственно, не зависели от носителей русского языка при налаживании коммуникации на новом месте. Скорее, контакты со сверстниками-мигрантами, говорящими на их родном языке, были важны на первом этапе миграционного процесса, так как позволяли сформировать локальный круг общения. Многие из au pair, которых я интервьюировала, подчеркивали, что хотели общаться с немецкоговорящими сверстниками во время пребывания в Германии, но это было очень трудно осуществить. У них было мало возможностей завести знакомства, поскольку члены и знакомые семей, в которых они работали, как правило, были старше них; при этом принимающая семья оказывалась практически единственным немецким кругом, с которым они имели возможность общаться в начале своей работы. Если au pair решают продлить свое пребывание в Германии, то обычно они поступают в университет или находят работу, и тогда их круг общения расширяется до немцев и мигрантов с другим культурным бэкграундом. По мере того, как они обосновываются в Германии, они постепенно дистанцируются от общения с группами ровесников-носителей русского языка.

Теоретическая рамка статьи предполагает рассмотрение формирования этнических групп через процесс проведения границ и индивидуальную идентификацию по принадлежности к (этнической) группе. В этой перспективе я исследовала гетерогенность и внутреннюю дифференциацию среди русскоговорящих мигрантов в Германии, которая обнаруживается в биографических нарративах бывших au pair. Говоря о других русскоговорящих мигрантах в Германии, интервьюируемые часто отсылают к использованию родного языка (русского) и второго языка (немецкого) как к маркерам общих или различающихся социальных позиций применительно к другим мигрантам и в целом к тому обществу, которое их принимает. Язык, таким образом, выступает источником и одновременно «эмблемой» социальной идентичности, обозначающей границы с другими группами. По словам социолога Ларисы Ременник, «выбор языка или акцент сообщают окружающим о принадлежности говорящего к определенным речевым сообществам и/или о его этнических корнях; они также сигнализируют о его интересе к формированию и поддержанию социальных отношений».

Эмпирическую базу статьи составляют 16 биографических интервью с молодыми женщинами из России, родившимися между 1978 и 1988 годами и работавшими в Германии по программе «Au pair». Некоторые из этих женщин сразу после окончания срока «Au pair» вернулись в Россию, другие остались в Германии. В центре внимания статьи три молодые женщины (Дарья, Нина и Елена), чьи истории различаются с точки зрения «встроенности» в русскоязычное сообщество в Германии в период их пребывания там по программе, но похожи наличием нарратива дистанцирования от русскоязычных сообществ в их сегодняшней жизни. Ко времени интервью Дарья уехала из Германии, проведя там два с половиной года; в течение этого периода она была интегрирована в группу студентов из этниче-

ских немцев-переселенцев. Нина почти не встречалась с другими русскоговорящими во время ее пребывания по программе «Au pair». Елена была замужем за «поздним» переселенцем (переехавшем в Германию в конце 1990-х годов) и была хорошо интегрирована в круг его общения.

Дарья сказала мне, что во время жизни в Германии она избегала встреч с другими русскоговорящими мигрантами. В приведенной ниже цитате она описывает, как за ней ухаживали мужчины-переселенцы, с которыми ее знакомили друзья по программе «Au pair»: «Ну, это были русские немцы – мальчишки, не сделавшие ровным счетом ничего со своей жизнью. Они всегда приезжали на отцовской машине, и нам не о чем было говорить, потому что у меня на самом деле с этими людьми очень мало общего».

В нарративе Дарьи очевидны те аспекты, которые очень типичны для встречи российских au pair с русскоговорящим сообществом на первой стадии миграции: занятия, направленные на расширение сети общения с говорящими по-русски через встречи с друзьями друзей, и ухаживания со стороны мужчин-переселенцев. Дарья говорит, что эти мужчины не произвели на нее впечатления, поскольку она, как она поняла, не стремится подняться по социальной лестнице. В интервью она ясно дала понять, что не рассматривала их в качестве потенциальных партнеров. Образ переселенцев в нарративе Дарьи четко определен гендерно, причем негативные черты приписываются исключительно мужчинам.

Ключевой элемент в нарративе Дарьи – это утверждение, что ей «не о чем было говорить» с этими мужчинами. Понятие общности, абсолютно необходимой для принадлежности к группе, в нарративе Дарьи связано не с родным языком, а со стилем жизни. Дальше в интервью Дарья описывает свои встречи с представителями другой группы переселенцев, с которыми у нее завязались дружеские отношения на основе общих жизненных интересов и целей:

Так что мы подружились с компанией русских немцев, но они были очень славные, и они работали и учились одновременно, а не тусовались круглосуточно. Потому что столько есть русских немцев, – это мои наблюдения, хорошо? – которые просто приехали, просто получают деньги от государства как безработные, и жилье им тоже оплачивают, и они просто не мотивированы учиться или искать работу, вот так вот.

Описывая своих друзей и утверждая, что они находятся с ней в одинаковом положении, Дарья подчеркивает, что она приложила большие усилия, чтобы получить образование и самостоятельно заработать деньги. Нацеленность на восходящую социальную мобильность создает ощущение общности между Дарьей и ее друзьями из переселенцев, и эта общность кажется более существенной, чем родной язык. Таким образом, внутригрупповая граница в большой группе русскоговорящих жителей Германии проходит по критерию образования и стиля жизни. Ровесники Дарьи образовали группу не по признаку общего языка (хотя русский – их общий родной язык), но в процессе обучения. Нарративный паттерн в интервью Дарьи связан с установлением различия между группой ее друзей, то есть «исключением из правила», и другими переселенцами. Владение на хорошем уровне как

родным, так и немецким языком в данном случае выступает, с одной стороны, как эмблема родной культуры (поддержание ее с помощью русского языка), а с другой стороны – как свидетельство достижений в процессе восходящей социальной мобильности в новом контексте, воплощенных в способности говорить по-немецки.

Нина к моменту интервью прожила в Германии восемь лет. Она училась на PhD-программе (писала диссертацию по немецкой лингвистике) и была замужем за немцем. Во время пребывания в стране по программе «Au pair» Нина нередко проводила свободное время в одиночестве и мало общалась с носителями русского языка. Одной из причин такой ситуации было то, что принимавшая ее семья жила в сельской местности, где почти не было мигрантов. Когда после окончания срока «Au pair» Нина переехала в другой немецкий город, чтобы учиться в университете, она подружилась с несколькими говорящими по-русски сокурсниками. Судя по ее нарративу, общение с носителями русского языка представлялось ей угрозой качеству ее немецкого языка:

Я никогда не старалась поддерживать отношения с русскими или говорить по-русски просто ради общения. Говоря по правде, я не очень это люблю. Гм... Я теперь и с моими русскими друзьями по-немецки говорю [смеется], потому что если все время говорить по-русски, страдает немецкий.

Нина поясняет, что не пользуется никакими продуктами и услугами русской инфраструктуры, кроме советских фильмов, которые напоминают ей о детстве – но и их она регулярно уже не смотрит. Для Нины русский язык стал языком ностальгии по детству и языком общения с родной семьей, в то время как в нынешней жизни, в контексте новой повседневности она говорит только по-немецки:

Люди иногда даже не замечают, что я русская. Они часто думают, что я из Польши или Скандинавии, что-то в этом роде. Постоянно это происходит, и даже иногда люди думают, что я немка, но никогда – что я из России. Даже русские не замечают, что я русская...

Утверждая, что другие люди, «даже русские», опознают ее не как русскую, но как мигрантку иного происхождения, Нина отрицает, что у нее есть что-то общее со сконструированной группой «русских» в Германии. Непринадлежность к ним (то, что они не могут опознать ее как свою в силу отсутствия какой-либо общности) позволяет Нине в этом нарративе отчетливо отделить себя от других носителей языка. В соответствии с ее нарративом, Нинин процесс интеграции и восходящая социальная мобильность происходили абсолютно независимо от русскоязычного сообщества. Соответственно, принадлежность к социальной группе в нарративе Нины не служит основой для позиционирования себя. Она скорее видит себя как независимого индивида.

Елене к моменту интервью было 25 лет, она работала как исследователь и писала диссертацию в немецком университете. Елена приехала в Германию около семи лет назад как au pair и осталась. Спустя несколько недель после прибытия Елена встретила своего будущего мужа, «позднего переселенца» из того же города

в России, что и она. Проводя время с ним, она интегрировалась в группу своих русскоговорящих ровесников – таких же «поздних переселенцев» в Германию, как ее муж. В тот период, когда состоялось интервью, Елена подавала на развод. Она сказала, что брак распался из-за различий в уровне образования и карьерных планах, а также из-за того, что муж не поддержал ее в стремлении получить ученую степень: «Он рабочий, “синий воротничок”, а я исследователь – это совершенно не работало; он не может понять, почему я сижу и читаю книги».

Случай Елены демонстрирует переоценку принадлежности к группе (в данном случае применительно к партнерству и ровесникам) в процессе миграции. Она подчеркнула, что в колледже, где училась после программы «Au pair», не хотела проводить время с носителями русского языка, потому что это помешало бы процессу изучения немецкого. Вместо этого она проводила время с немцами и с другими студентами, мигрировавшими из разных стран, причем с последними она говорила по-немецки. В какой-то момент интервью Елена рассказала о встрече с другой русскоговорящей мигранткой в этом колледже:

Она подошла ко мне однажды и спросила: «Почему ты здесь сидишь? Мы же видим, что ты русская». А у меня в этот момент почти никаких контактов с русскими не было, я была сыта ими по горло. Я хотела выучить немецкий, я не хотела тусить с русскими, и я просто подумала, что ей от меня нужно? [...] А она сказала: «Почему ты тут сидишь?», бла-бла-бла. Я просто сказала, по-немецки: «Это тебя не касается. Пока!». А она спросила: «Почему ты говоришь со мной по-немецки?». А я ответила, по-немецки: «Потому что ты не можешь!».

В этой части нарратива Елена рассказывает, как она отвергла попытку говорить по-русски с другими носителями русского языка и вообще практику такого разговора, то есть основной элемент коллективной репрезентации группы, чтобы дистанцироваться от этой группы. Отвечая девушке на немецком, она прервала коммуникацию на их общем родном языке, опровергая таким образом исходное предположение, что общность между ними существует. Этот нарратив представляет собой занимательный пример, иллюстрирующий утверждения Бенджамина Бэйли о дискурсивном, интеракционном установлении идентичности в процессе коммуникации на конкретном языке. Дистанцируясь от молодых носителей русского языка, предпочитающих общение с такими же, как они, по-русски, Елена представляет свою восходящую социальную мобильность (от au pair к PhD) как результат ее персонального отношения и ее собственного решения поставить в приоритет изучение немецкого – что отличает ее от других русскоговорящих мигрантов.

В заключение нужно сказать, что интервьюируемые проводили внутригрупповые границы в рамках этнолингвистической группы «русские», конструируя подгруппу «русские немцы», с которыми они имеют общий родной язык, но у которых при этом другой образовательный бэкграунд. В своих нарративах интервьюируемые используют дискриминирующий дискурс в отношении нежелания переселенцев учить язык – дискурс, очень похожий на тот, что используется в

немецких медиа и публичной сфере. Исключительное использование русского языка интерпретируется как эмблема маргинального положения этих мигрантов в обществе.

Конструирование различий в отношении к изучению языка позволяет бывшим au pair позиционировать себя в принимающем их обществе как высокообразованных мигрантов, обладающих индивидуальной способностью к восходящей социальной мобильности, первостепенным знаком которой выступает владение немецким языком и его публичное использование. Таким образом, эти люди воспринимают свое владение двумя языками как персональное достижение, активно дистанцируясь от других носителей русского языка, что они рассматривают как своеобразную предпосылку к успешному изучению немецкого, получению образования и работы в Германии. В противовес теоретическому предположению о том, что принадлежность к социальным группам имеет принципиальное значение для формирования персональной идентичности, представленные в статье кейсы продемонстрировали, что идентичность может конструироваться в высшей степени индивидуально через выстраивание непринадлежности соответствующим группам.

*Перевод с английского Натальи Самутиной,
научный редактор перевода – Елена Богданова*